

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 2 (85)

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

КАБАРДИНСКИЕ ХАДЖРЕТЫ В ЧЕРКЕССКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Продолжение.
Предыдущие главы в
выпусках 20 (79) – 24 (83),
1(84)

ПОСЛЕ АДРИАНОПОЛЯ. 1829 – 1864 гг.

Это позволило владетельному князю, в частности, наделить Торнау и его проводника рекомендательным письмом к Хаджи Джансеиду. «Охранное письмо князя Михаила, – вспоминал барон о своей первой поездке в Черкесию, – на имя хаджи Джансеида нисколько не успокаивало старого Микамбая. «Эти кабардинцы отъявленные разбойники, – повторял он беспрестанно. – Только узнают, что мы находимся здесь, и явятся к нам, как снег на голову, не спрашивая, какой тут владетельский Шакрилов и какое письмо бережет он за пазухой. Им не нужны ни письма, ни рассказы; прежде всего они хотят абхазской крови».

То описание инцидента, которое сделал барон, имеет очевидные ошибки. Ясно, что жители Абхазии не могли не иметь весьма отчетливых представлений о своих соседях-черкесах и их языке. Простонародье сразу кинулось грабить по той простой причине, что на момент кораблекрушения отношения между населением западных районов Абхазии и черкесами носили враждебный характер. Черкесы, в первую очередь, садзы и убыхи, совершали походы против Абхазии, занятой царскими войсками. Имели место морские десанты. Черкесский язык (адыгабзэ) являлся родным для убыхов и был в обиходе у населения Джигетии (Садза).

Вернемся к серии документов 1831 г. В списке «разных злодеяний», составленном майором Синановым в январе 1831 г., в числе тех, кто участвовал в «угоне табуна генерал-майора Султана Калыгирея» фигурируют: Кучук Аджигиреев (составителем отчета отмечено «умер»), Джанбот Аташок (Атажукин) и Адашок Адашок (Атажук Атажукин), напротив которых отмечено «имеют жительство в Абазехах». (Список именной закубанским владельцам и узденям, участвовавшим в разных злодеяниях. Января дня 1831 г. // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Л. 10 - 12 об.).

Здесь же перечислены ка-

бардинские уздени: Хаджи Хар Куденетов, Мет Куденетов, Долоткири Куденетов, Умар Абаж, Пафох Сидак, Бекмурза Караба, Исак Агуп, Джамбаки Таф, Ганардук Нартыжев. Все – «имеют жительство в Абазехах».

«В разграблении транспорта сводного где взято 40 лошадей и 6 калмыцких мальчиков»: кабардинские уздени Динартук Нартыжев, Аджаки Шегенов, Кубат Аджи. Все – «в Абазехах».

«При угоне табуна армянина Угаура Танбиева живущего под [неразборчиво] горой» упоминается значительная группа. Князья: Джанбот, Магомет и Адашок Адашокины (Атажукины), Тенбот Бесленов, Магомет Беркмизов. Уздени: Маюк, Далкири (Девлет-Гирей) и Нагай Куденетовы, Умар Маргушов, Асланбек и Хаджимук Танбиевы (Тамбиевы), Исак Агуев, Кубат Аджи, Аджели Шегенов, Сидок Пафехов, Умар Абажов, Жанбора Кандоров.

В этом списке фигурируют также князья Тенбот и Аслан-Гирей Бесленовы, Тенбот Кайтукин, также проживающие в Абазехии, «откуда ездят в Кабарду».

Упомянутый здесь Асланбек Тамбиев является тем самым Асланбеком Тамбиевым, который держал в плену барона Торнау. По замечанию Торнау, Асланбек Тамбиев имел «исполнительный рост и широкие плечи». (Воспоминания кавказского офицера... С. 99). Согласно Торнау, Тамбиев погиб через два года после его освобождения, то есть осенью 1840 г.: «Тамбиев был убит два года спустя. Черкесы, в числе сорока человек, и Тамбиев с ними отправились грабить на Линию, у нас знали о их намерении и приготовили западню. Недалеко от Кубани заяц перебежал им дорогу. Тридцать три человека, считая это дурным предзнаменованием, вернулись назад. Семеро, между ними и Тамбиев, пренебрегая подобным предрассудком, пошли вперед, на рассвете встретили линейных казаков, были окружены и все перебиты.

Тамбиев, не славившийся прежде молодечеством, как сказывали свидетели дела, умер весело и тем поправил свою репутацию». (Воспоминания кавказского офицера 1835, 36, 37 и 38 года. Часть вторая. М.: В университетской типографии (КАТКОВ и Ко), 1864. С. 172).

Кабардинцы, поселившись в Абазехии, пользовались правом самоуправления. Торнау в этой связи отмечал: «Кабардинские абреки находились в чужой стороне, занимая земли, уступленные им абазеками, посреди которых они составляли отдельные общества, управляемые по их собственным обычаям. Между ними княжеское звание сохраняло свое значение, вольные же абазехи, имевшие народное правление, не признавали никакой власти кроме определения большинства и мнения своих старшин, уважаемых по силе предания. Поэтому Тамбиев, проживая в ауле Алим-Гирея, своего кровостопителя, мог безнаказанно противиться Аслан-Гирею, терпящему все свое значение перед простым дворянином из рода Дауров, потому что этот последний был абазех и к тому же имел сильную партию в народе». (Воспоминания кавказского офицера... С. 102).

Торнау подмечает, что «слабой струной» Асланбека Тамбиева было «высокое значение, придаваемое им дворянскому достоинству вообще и в особенности своему собственному происхождению, которое он, по причине его древности, ставил выше княжеского звания, называя Тамбиевых первыми дворянами Кабарды». (Воспоминания кавказского офицера... С. 122).

Торнау упоминает племянника Асланбека Тамбиева – Глекеса Тамбиева, который являлся офицером русской службы и был прислан Вельяминовым на переговоры об освобождении барона. (Воспоминания кавказского офицера... С. 110). Послужной список и основные биографические сведения о Глекесе (Тликече) Тамбиеве приводятся в справочнике А. В. Казакова: «Тамбиев Тликеч

Хапачевич (1800 – не позднее 1866 г.), штабс-капитан (к 1849 г.), из кабардинских узденей 1-й степени (тлякотлеш). Участник Закубанских «экспедиций против непокорных горцев». «В виде особого исключения, в уважение примерной службы его на пользу нашего правительства» было разрешено переселиться из Кабарды на Черноморье с семейством. Состоял прапорщиком при 4-м пешем Черноморском казачьем батальоне, к 1847 г. – в чине поручика, к 1849 г. – штабс-ротмистр. Персонаж адыгской песни-плача «Измена Абатова», упоминается в записках Ф. Ф. Торнау. Дед просветителя Паго Тамбиева. Проживал в Кубанской области в станице Гривенно-Черкесской. Был женат. Сыновья – Исмаил, Камбот, Темиргой, Цыра, Фат-Гирей (1858 г. р.), Аслан-Гирей (1859 г. р.), Гассан-Гирей (1861 г. р.) и др.». (Казаков А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006. С. 242).

В конце февраля (1838 г. – Прим. С. Х.) человек сто черкесов, между которыми был и Тамбиев, напали на двадцать донских казаков, ехавших с Чанлыка на Кубань, тринадцать из них убили, а семерых захватили в плен. Когда стали делить добычу, на долю Асланбека достался молодой казак, которого он по приезду в аул поместил в одном доме с прикованным ногатцем». (Воспоминания кавказского офицера... С. 128).

Барону временами приходилось туго, но в основном он проводил время в плену с комфортом. «Мой приятель, Магомет-аша (Атажукин. – Прим. С. Х.), как звали его черкесы, пригласил нас к себе закусить. Чинно, по летам и по званию, на первом месте Дагестан эфенди, расселись званые гости, а за ними вошли в кунахскую знакомые и незнакомые, кому было угодно, и остановились недалеко от дверей в ожидании угощения. Кунахская всегда открыта для каждого и

тем более в байрам, когда черкес считает священным долгом разделить с бедняком свой последний кусок. Магомет был не беден. Мяса жареного и вареного, проса, молока, даже хлеба, приготовляемого в самых редких случаях, достало на всех. Запивали кушанье водой, с распущенным медом, и брагой из просяной муки, подаваемой гостям в деревянных ковшах. Дагестан эфенди полюбостествовал со мной познакомиться, и долго разговаривал с приличной важностью. Потом он подзвал Тамбиева, и поглядывая на меня, завел с ним тихую речь. Атажукин рассказал мне позже содержание их разговора. Эфенди убеждал Аслан-Бека не льститься на выкуп, а для спасения души стараться обратить меня в мусульманина, могущего сделать впоследствии твердым оплотом веры и полезным руководителем горцев в войне с русскими». (Воспоминания кавказского офицера... С. 100).

Упомянутый бароном Дагестан-эфенди, судя по имени, был уроженцем Дагестана. По замечанию барона он «имел между горцами большую славу» и отличался тучностью. (Воспоминания кавказского офицера... С. 99). Торнау описывает общую молитву кабардинцев и абазехов по случаю байрама, в которой приняло участие более трех тысяч человек. Праздничную молитву читали трое эфендиев в белых одеяниях, а завершил действо Дагестан-эфенди, прочитавший главу из Корана и проповедь о настоятельной необходимости войны с русскими. Присутствие дагестанского священнослужителя в Абазехии в 1836 – 1838 гг. показывает нам взаимосвязь двух районов горского сопротивления задолго до появления знаменитого наиба Шамиля – Магомет-Амина.

Аул дагестанского эфенди указан на целом ряде русских военных карт этого времени. Так, например, на карте западной части Кавказского края 1842 г. на правой стороне Пшехи, напротив устья левого притока Пшехи речки Аше, указан аул Ефенди Дагестано. (РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 14 / IV - 11). На этом же месте аул Ефен-

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

ди-Дагитанов указан на карте Л. Люлье 1857 г. (Карта Закубанских горских народов к статье Л. Люлье 1857 года // ЗКОИРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. Отд. III. Приложения).

«У более зажиточных кабардинцев почти каждый вечер народ собирался слушать Коран, читаемый муллой по-арабски и переводимый потом, с пояснениями, на черкесский язык. Сидя около стены, вокруг кунахской, черкесы с благоговением слушали чтение; некоторые из них позволяли себе иногда делать мулле вопросы насчет непонятных изречений. Тамбиеву доставляло, как я заметил, особенное удовольствие, когда я соглашался с ним посещать эти сходбища. Обыкновенно, когда я появлялся, мне уступали место возле самого почетного человека, князя Магомета Атажукина, временно гостившего в ауле. Это был абрек, о котором я уже упомянул, вернувшийся из Константинополя, куда он ездил лечить раненую руку, в чем успел до такой степени, что мог стрелять из ружья и колоть шашкой, только не рубить. Его называли поэтому Магомет-аша, то есть сухорукый. Мы были одних лет, он чисто говорил по-русски, очень меня любил и поэтому с охотой переводил мне все, что сказывал мулла, позволявший себе иногда пояснения не совсем сходные со смыслом текста». (Воспоминания казавского офицера... С. 98). Барон был 1810 г. рождения. В 1837 г. ему было 27 лет. Но было ли Магомету Атажукину всего 27 лет?

В январе 1831 г. Асламбек Бесленов и Исмаил Касаев от лица кабардинцев Закубанья обратились к Эммануэлю с посланием: в качестве необходимого условия своего замещения и поселения в одном районе они выставили возвращение беглых холопов. (Копия с донесения его высокопревосходительству господину генералу от кавалерии и кавалеру Эммануэлю кабардинских князей за Кубанью проживающих Асламбека Бесленова и Исмаила Касаева. 29 января 1831 г. // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Л. 8).

В апреле 1831 г. последовало предписание командующего войсками 3-й дистанции Центра Кавказской линии ген. м. Горихвостова Кабардинскому временному суду о запрете принимать приезжающих из Закубанья «под опасением строгой ответственности». (Из истории Кабардинского временного суда... С. 32).

В июне 1831 г. в одном из донесений говорится о ранее разоренном ауле Росламбека Берисланова на Урупе, как об известном ориентире. (Рапорт командующего войсками Центра Кавказской линии генерал-майора Ралля 5-го командующему войсками на Кавказской линии в Черномории и Астрахани господину генералу от кавалерии и кавалеру Еману-

елю, № 8 от 8 июня 1831 г. Бивуаки при посту Емановском // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42. Л. 70-70 об.).

В июне 1831 г. фельдмаршал Паскевич рекомендовал переманивать хаджретов обратно в Кабарду: «Вызвать из-за Кубани бежавших туда кабардинцев, ибо они, живя между закубанцами, возбуждают их против русских. Но, с другой стороны, опыт показал нам, что те из них, которые были уже вызваны и поселены в Кабарде, будучи близ границ, делали еще более разбоев». (Отношение гр. Паскевича к гр. Нессельроде, от 5 июня 1831 г., № 1102 // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 903).

Офицер, участник походов Вельяминова в Натухай и Шапсугию в 1837 г., создал весьма интересные мемуары, опубликованные в 1847 г. в «Библиотеке для чтения». (Н. М. Воспоминания о Кавказе 1837 года // Библиотека для чтения. СПб., 1847. Т. 80 (январь). Отд. III. С. 51-74; Т. 81 (март). Отд. III. С. 1-22). В 1838 г. в этом же издании в свет вышел его очерк «Кавказский пленник». (Н. М. Кавказский пленник // Библиотека для чтения. Т. 31. СПб., 1838. Отд. I. С. 17-52). Жанр определен, по всей видимости, самим автором, как был. Действительно, содержание очерка не оставляет сомнения в том, что в его основе была заложена документальная основа. Некий поручик Б-н, с которым Н. М. познакомился в походе 1837 г. в западные районы Черкесии, поведал историю своего пленения кабардинским абреком Хамурзиным в начале 30-х гг. Б-н занимал должность начальника укрепления У-ъ (вероятно, Урухское укрепление на реке Урух в Большой Кабарде, в непосредственной близости от Терека, Малой Кабарды и Военно-Грузинской дороги). «В это время, — рассказывал Б-н автору очерка, — гремело в горах имя знаменитого Хамурзина. Он был так называемый абрек, то есть, удалец, герой без всякой собственности, наездник, посвятивший жизнь свою разбою. Набрав шайку подобных себе коршунов, Хамурзин кочевал с ними в горах, и делал частые набеги за Терек (то есть, на левобережье Терека, занятое русскими поселениями. — Прим. С. Х.). Отчаянная храбрость и сметливость доставляли ему богатые добычи, питавшие его алчность. Высокий, стройный и плечистый, как вообще все горцы, он имел необыкновенный, сверкающий взгляд, который искрился зверством из-под густых черных бровей, сросшихся на лбу его; резкие черты и бронзовый цвет лица давали физиономии его такое выражение, которого и сам Мефистофель едва ли бы не испугался». (Н. М. Кавказский пленник... С. 20-21).

О Хамурзине чуть ниже, а пока отметим весьма любопытное совпадение сюжета Н. М.

на одноименное произведение Л. Н. Толстого.

«Уже давно стал классическим рассказ Толстого «Кавказский пленник». — Отмечает В. М. Попов. — Историческая основа рассказа, вероятно, не исчерпывается одним знакомством Толстого с местностью, кавказским пейзажем и бытом. Настоящую, главную основу его видим в знакомстве писателя с былью, напечатанной под тем же самым заглавием — «Кавказский пленник» в журнале Сенковского — в свое время популярной «Библиотеке для чтения». Автор этой романтической повести подписан кратко — М. Н. (повидимому, это инициалы имени и отчества). Самая повесть, кроме хорошего литературного языка, не отличается большими достоинствами: так, при очевидной своей историчности и достоверности описываемого события, она не изобличает в авторе чуткости к местному колориту (например, сакли или мазанки аула он называет «избами», — автор, скорее всего, северянин). Первокласный писатель Лев Толстой в этом отношении непогрешим. Повлиял на него рассказ М. Н. очень своеобразно. Тонко чувствующий правду Толстой, читая быль, должен был говорить себе: «не так, не так», и, с этим настроением приступив к работе, он создал замечательный рассказ. Возможно, однако, что прочитанные еще в детстве «Кавказский пленник» Пушкина и «Кавказский пленник» М. Н. произвели на ребенка глубокое впечатление своими эффектами (у М. Н. — сон в землянке, с видением женской головы, чудесное падение ключа, хотя сторонник пленника — мальчик уже бежал из аула, и т. п.). Указать множество различий в этих двух рассказах, писанных на общую тему, — это задача не из трудных. Основная разница между ними в следующем: автор первого рассказа не в совершенстве знаком с жизнью горного Кавказа и в то же время до мелочей изучил быт юга. Рассказ М. Н., написанный в романтическом стиле Марлинского, со стороны формы прекрасен, рассказ же Толстого по существу — и по содержанию и по форме — таков, что мы положительно не можем назвать во всей русской литературе произведения, более понятного простому читателю, более любимого детьми». (Попов В. М. Историко-литературный источник «Кавказского пленника». См.: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/l2c/l2c2190-.htm>).

В. М. Попов очень серьезно заблуждается, утверждая, что Н. М. знал этнографию Северного Кавказа хуже Толстого. Как раз-таки, наоборот. Все содержание рассказа Н. М. подчеркивает как превосходное знание региона, так и полное соответствие документальной истории черкесов этого времени. Что касается изб, в

которых искал убежища пленник, то это определение не является исключительно присутствующим для русского быта. Множество документов и основательных этнографических описаний первой половины XIX века содержат указание на строительство горцами — адыгами, карачаевцами, балкарцами, осетинами и вайнахами — бревенчатых изб. Поэтому, автор точен и в этом вопросе.

Нет ничего удивительного в том, что живущие в высокоствольном лесу чеченцы строят избы. Пленник обманывается, когда заглядывает в поисках покровительства в новую по виду избу. В ней его встречают не чеченцы, а черкесы (кабардинцы), проживающие в чеченском ауле. Это также полностью соответствует описываемому времени. Во всех чеченских селениях, локализованных на плоскости, проживали кабардинские абреки с семьями.

При описании временного аула абреков в горах он использует более привычный термин сакля. При этом он описал плетеное строение, обмазанное смесью из глины и навоза. Очень показательно использование им слова камин, которым русские авторы этого периода, непосредственно знакомые с черкесским бытом, называли плетеный воронкообразный дымарь, также обмазанный аналогичным раствором. Такие дымари, по сути, являлись каминными, пусть и примитивными. Их при переезде с места на место старались брать с собой, чтобы сразу устанавливать достаточно технологически сложную конструкцию в новом жилище.

Самая личность Хамурзина, нападение на ногайцев, возвращающихся в свои мирные аулы на Кубани, нахождение среди этой ногайской группы армянского купца, описание второго нападения Хамурзина на небольшой отряд, передвигающийся по кабардинской равнине из крепости в крепость, использование курганов для незаметного приближения к дороге и обстрела отряда, пленение героя, его встреча с пленным русским мальчиком в ауле абреков, нападение на станицу, гибель Хамурзина при отступлении, его оплакивание, перемещение абреков в Чечню, описание возвращения экспедиционного корпуса Вельяминова из Натухая и Шапсугии, масса сожженных аулов в этих районах Черкесии, название реки Кунипс — все это и многое другое представляет нам рассматриваемое произведение не как художественный вымысел, но как строго документальный отчет о событиях, исключительно характерных для этого времени и этой территории.

По всей видимости, под Хамурзиным рассказа Н. М. имелся в виду кабардинский князь Беслан Хамурзин, который в 1831 г. находился в состоянии абречества и предво-

дительствовал отрядом кабардинских и чеченских воинов. В феврале 1834 г. о нем пишут, как о уже погибшем. Его сын Джамбулат был предательски захвачен и передан военным властям. (Бейтуганов С. Н. Кабарда... С. 101-102). Известно, что в 1824 г. Биаслан Хамурзин вместе с сыном валия поручиком Джамбулатом (Джамботом) Кучуковым занимался составлением «Ведомости исчисления кабардинского народа». (Ведомость исчисления кабардинского народа, принадлежащего к фамилиям Бекмурзиной и Кайтукиной в Большой Кабарде, произведена по приказанию начальства князя поручиком Джамботом Кучуковым, Биасленом Хамурзиным и секретарем суда капитаном Шардановым // Материалы Я. М. Шарданова по общему праву кабардинцев первой половины XIX в. Нальчик: «Эльбрус», 1986. С. 8).

Исследователь кабардинского сопротивления Т. Х. Алов приводит весьма интересный документ, связанный с Бесланом Хамурзиным. Этот документ, представляющий собой рапорт командующего Сунженской линией полковника Сарачана, позволяет почти со стопроцентной вероятностью установить документальную основу рассказа Н. М. 9-го марта 1833 г. Сарачан докладывал Вельяминову о том, что «кабардинский абрек, проживающий в Чечне, Биаслан Хамурзин с братьями и 80 человеками, подобными им, на Военно-Грузинской дороге между Минаретом и Урухом напали на штабс-капитана Балаша, прапорщика Чаплыгина, увлекли в плен их; ... штабс-капитан и прапорщик Чаплыгин содержатся у кабардинских абреков, проживающих в лесистом ущелье в горах по речке Мартан». (Цит. по: Алов Т. Х. Кабардинские абреки Чечни в первой трети XIX века (к проблеме сравнительного анализа этнической миграции кабардинцев в Закубанье и Чечню) // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 12. Нальчик, 2005. С. 88).

К кабардинскому сопротивлению Биаслан Хамурзин присоединился осенью 1831 г. Переписка, посвященная «измене» Б. Хамурзина, извлечена нами из РГВИА и предлагается вниманию читателя:

Рапорт командующего войсками 3-й части Центра генерал-майора Горихвостова, командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову, от 22 сентября 1831 г., № 26. — Ст. Беломечетская.

Известный Вашему Превосходительству бунтовщик тумак Беслен Хамурзин, который в 1825 году погубил отца своего князя Мурзабека Хамурзина (по всей видимости, под оп-

На ручье Жезжака, одном из притоков Псефира, указаны аулы Ибрагима Дахшукова (разоренный) и Закирья Унарокова. В истоках Псефира аулы Аджиди Нартыжева и Магомета Джебабурова. Аул Мисирбея Бейгрюкова на ручье Конок-тау, левом притоке Гунса.

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

ределением «погубил» следует понимать, что Биаслан убедил уже весьма преклонного летами отца — Мурзабека Хамурзина, старшего в ветви князей Кайтукиных, переселяться в Закубанье. — Прим. С. Х.), и многие аулы взбунтовал [неразборчиво], не перестает и теперь возмущать народ против правительства, а хоть я и просил его остерегаться, но он по обыкновению принесся ложную клятву по-прежнему занимается вредным внушением кабардинцам и распускает нелепые слухи, будто правительство предположило поделаться всех кабардинцев казаками и что Имам, явившийся в Чечне, собирает большие силы, и придет в Кабарду, сколько для уничтожения русских, столь же и для наказания кабардинцев, повинующихся русским в противность магометанского закона.

Почему основываясь на Высочайшей инструкции во время управления Киргиз-Кайсацкой ордой мне данной, всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство удалить сего тумака Хамурзина навсегда из Кабарды; а как он не так легкомыслен и более хитр, нежели посланный мною для сего же предмета князь Магомет Атажукин, то я буду уметь другим образом схватить и тайно отправить его в Ставрополь. Впрочем, если не угодно будет Вашему Превосходительству уважить моей покорнейшей просьбы, то по крайности осмеливаюсь просить, не отнести к ответственности моей побег аулов с Аргудана, Уруха и Черной речки, ибо условие его с ними мне весьма хорошо известно по бдительному наблюдению за сказанным тумакон Хамурзиным и поселенными (?) аулами.

Цель его опять та же, которая была в 1825 году: тогда он, страдая отца намерением русских захватить, рассчитывал, что брат его князь Хамурзин, как живет за Кубанью и еще малолетен, то может наследовать имением, что и случилось; но в прошедшем году как брат его подрост и возвратился уже в Кабарду и народ как настоящему наследнику более повинуется, то и теперь страшая брата своего разными нелепостями, уговаривает бежать за Кубань, с тем, чтоб по побеге брата наследовать всем его имуществом, ... впоследствии и испросил себе по обыкновению прощение.

Из рапорта моего от 7 числа сего месяца № 2842 Ваше Превосходительство изволили видеть, что бежавший с гаубахты прапорщик Кильчук Анзоров бежал за Кубань с четырьмя семействами и все поиски мои остались тщетны — но теперь не тайна — что с беглым князем Магометом Атажукиным приезжали из Закубани 25 человек и скрывались две недели у тумака Беслена Хамурзина, и Кильчук Анзоров с сказанными семействами скрываясь у него же, 14 числа сего месяца проеха-

ли горами мимо Осетии, и у чеченцев просили пшена и бабанов.

Вредны советы его и теперь, когда я приказал собраться кабардинцам для отражения хищников, он ездил по Кайтукиной и Бекмурзиной фамилиям с уговариванием, чтоб не ездили, ибо имам непременно из Чечни придет с несколькими тысячами и, соединяясь с закубанцами, освободит Кабарду от подданства России, но когда сии нелепости не действовали, то распустил слух, будто триста человек одной пехоты кроме конных, находятся уже за Терекон в лесу Асакай называемом, и сие последнее действовало и [неразборчиво], чтобы злодеи не угнали их табуны; однако я отправил нарочных князей к сказанным фамилиям, чтоб непременно прибыли с каждой сакли по одному узденю, и фамилия Бекмурзина сего числа прибыла вся, а бунтовщику тумакон Хамурзину, придав ... человек добродетельных моздокских казаков, как он находится ... ауле на военно-грузинской дороге, чтоб немедленно как извещен о шайке разбойнической там с караулом, и открыл бы мне хищников и сколько таковых находится в сказанном лесу.

Причем не излишним нахожу приложить письмо из Закубани к возмутителю тумакон Хамурзину от известного злодея Магомета Атажукина или Темира Булатова (имеется ввиду Магомет Темирбулатов-Атажукин, хаджрет, сын Темирбулата Мисостова-Атажукина (ок. 1760 — не позднее 1825), младшего брата известного Асланбека или Росланбека Мисостова-Атажукина (ок. 1750 — 1812), одного из зачинателей хаджретского движения в Кабарде. — Прим. С. Х.) и сообщников его, найденное у убитого кабардинца бывшего весной за Кубанью, из которого увидеть связи и сношения его с злодеями; оригинал же письма как на арабском языке, если нужно то в тот час буду иметь честь доставить.

А потому для пользы правительства и спокойствия Кабарды, позвольте Ваше Превосходительство прислать к Вам тумака Беслена Хамурзина, для отправления внутрь России, как человека вредного нам и своим ближним.

Генерал-майор Горихвостов. [Резолюция Вельяминова размашисто внизу под подписью Горихвостова]:

Беслена Хамурзина арестовать и отправить в Ставрополь.

От брата вашего князя Магомета Темира Булатова.

Князьям Бесленю и Адилгерю Бек Мурзе Хаджи Мурзабековым,

Желаю вам истинно доброго здоровья и благополучия, и притом удостоверяю; что я ваш тайной и явной помощник и защитник против врагов ваших, и хотя нахожусь за Кубанью, но есть совершенный ваш

помощник; и вы не должны ни мало во мне сомневаться. Здесь врагов противу вас я уменьшил, а друзей ваших умножил.

Верно с переводов (подпись) Генерал Майор Горихвостов

Рапорт командующего войсками 4-й части кордона генерал-майора Горихвостова командующему войсками на Кавказской линии в Черномории и Астрахани господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову. Секретно. [Дата получения]: 30 ноября 1831 года. Кр.: Грозная.

Вследствие разрешения Вашего Превосходительства от 1-го октября за № 12-м взять тумака князя Беслена Хамурзина и как вредного отправить в город Ставрополь, дабы не взволновать народ я отложил до зимы и сего месяца 10 числа как отправился провожать по военно-Грузинской дороге до Владикавказа супругу командира отдельного Кавказского корпуса господина генерала от инфантерии генерал-адъютанта и кавалера барона Розена, то он воспользуясь отсутствием моим с 13-е на 14-е число сего месяца в ночи бежал в Чечню увлекши с собой двух братьев и сына, а взяли они верхами с собой и жен своих, из чего изволите видеть Ваше Превосходительство, что представление мое от 26 сентября за № 22 точно как я доносил свершилось, впрочем в настоящее время побег его вреда не причинил, но нет сомнения, что с наступлением весны он появится в линии из Чечни с партией и будет стараться согнать аулы в горы подобно как сделал в 1825 году, но если Ваше Превосходительство будете так милостивы, что пришлете мне войска занять Черекское ущелье, Ксанты и Гондулен, то с помощью божией может быть Кабарда уцелеет, а если правительство и за сим простит его когда-либо, то дабы по возвращении в Кабарду не мог опять владеть своими крестьянами, то на основании существующего положения я предписал кабардинскому временному суду всех крестьян, бежавшим Хамурзиным принадлежавших, переселить в вольной аул, каковой способ и слишком для кабардинцев щекотлив, но между тем сами признаются, что сие средство есть единственное удержать от побег князей и узденей, и если бы предместники мои свято держались сей системы, то по сие время три части Кабарды непременно принадлежали бы уже правительству и почитались бы как российские крестьяне.

Князь же Магомет Атажукин как видно из предписания Вашего от 24 сентября за № 9-м весьма хорошо Вам известен, но не менее того по ветренности своей, изумерству и безхарактерности для спокойствия Кабарды вреден и потому из соревнования к обязанности

моей осмеливаюсь Вас беспокоить взять и удалить его навсегда из Кабарды, то [неразборчиво] благовидным образом отправить его в Ставрополь, взять же явным образом для пользы правительства нахожу вредным — а отправя под предлогом службы или поручения куда он денется ни кто и знать не будет.

Секретно.

Г. Горихвостову.

Я получил донесение Вашего Превосходительства от 17 ноября № 36 насчет побега в Чечню Бислена Хамурзина и необходимости удаления из Кабарды князя Магомета Атажукина. На которое имею часть Вас уведомить:

1) Арест Биеслена Хамурзина отложен был Вами не основательно, впрочем от побега его к чеченцам большого вреда быть не может. Сомнительно, чтобы в состоянии он был увести за Кубань так много кабардинцев, как В. П. предполагает. Но если бы это и случилось, то я не вижу в этом ничего для нас вредного.

2) Для занятия Черекского ущелья, Ксанты и Гунделена нужно по крайней мере полк пехоты, который гораздо с большой пользой употреблен быть может.

3) Переселение в Нальчикский аул крестьян, принадлежавших беглецам, полезно; и правила сего должно всегда держаться в подобных случаях.

4) Арестовать князя Магомета Атажукина гораздо лучше явным образом, нежели прибегать для этого к обману. Средство это неминуемо истребит в народе доверенность к правительству и как будто показывает слабость онаго. Напротив того явился [неразборчиво] смутить злонамеренных и непокорных людей могут истолковать народу силу правительства. — В 1825 году по приказанию генерала Ермолова должен я был арестовать Джамбулата, сына князя Кучука Джанхотова. Джамбулат вздумал противиться и стал вместе с товарищем своим князем Канаматом Касаевым стрелять по солдатам, коим приказано было арестовать его. Солдаты отвечали также выстрелами, коими и убит тогда, как Джамбулат, так и Канамат. Несмотря на влияние, которое имел тогда в Кабарде князь Кучук Джанхотов, который всегда пользовался гораздо большим уважением, нежели князь Магомет Атажукин, случай сей не только не произвел никакого волнения в народе, но может быть послужил еще к обузданию тех, кои имели какие-нибудь замыслы. С тех пор до весны нынешнего года в Кабарде все было покойно».

(См.: РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 2. Переписка о измене русскому правительству кабардинского князя Хамурзина. 1 октября — 3 декабря 1831 г. Л. 1 — 2, 3, 4, 5-6, 7 — 7 об. Вто-

рой титул: Секретное дело. О поведении кабардинского князя Беслена Хамурзина. Князь Бесленей Хамурзин бежал и впоследствии убит).

Рапорт командующего Сунженской линией полковника Сарачана 1-го, командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову 3-му, от 9 марта 1833 г., № 441. — Крепость Грозная.

Командующий Кабардинской линией генерал-майор Горихвостов предписанием от 26-го истекшего февраля месяца за № 465-м осведомляя меня, что 20-го числа того же месяца кабардинский абрек проживающий в Чечне Биаслан Хамурзин с братьями и 80-ю человеками подобными им на Военно-Грузинской дороге между минаретом и Урухом напали на штабс-капитана Балаша, прапорщика Чаплыгина, увлекли в плен их, прапорщик Гаврилов при сем случае ранен, а поручик Двигубский-Покусаев убит, и из числа находившегося при них конвоя донского № 48-го полка казаков ранено 7, убито 4 и взято в плен 4, а возвратилось только 2, предложил мне употребить все возможные средства выручить штабс-капитана Балаша и прапорщика Чаплыгина.

Вследствие сего, по получении означенного предписания генерал-майора Горихвостова то есть 3-го числа сего месяца я отправил от себя благонадежных лазутчиков для разузнания, где поясненные господа офицеры и казаки в плену находятся. Лазутчики сии возвратясь сего числа объявили, что штабс-капитан Балаш, и прапорщик Чаплыгин содержатся у кабардинских абреков, проживающих в лесистом ущелье в верх по речке Мартан, а 4 казака в непокорной чеченской деревне, называемой Ашхой.

Вашему Превосходительству о всем вышеописанном почтеннейшее донесение, имею часть присовокупить, что я буду стараться употребить все меры, которые только найду возможным чрез приверженцев и лазутчиков выручить означенных господ офицеров и казаков из плена, для чего к поощрению их к тому и другие могущие случиться по сему предмету необходимые надобности нужно употребить деньги, но таковых в управлении Сунженской линии не имеется.

Полковник Сарачан (См.: РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 166. Рапорты о нападении кабардинцев на штаб-капитана Балаша и о изъятии покорности русскому правительству Тавтамышских народов. 23 — 30 марта 1833 г. Л. 2-3, 4 об. — 5).

Самир ХОТКО.

Продолжение в следующем выпуске.